

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

ГИБЕЛЬ
БОГИНЬ

Борис Васильев

Гибель богинь

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Васильев Б.

Гибель богинь / Б. Васильев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-387-74930-0

Эта повесть – о нравственных противоречиях, ломающих судьбы и жизни героев. Повесть о любви и предательстве, подлости и благородстве, о простых ценностях жизни. Казалось бы, все у Нади складывается как нельзя лучше: приезд в Москву из захолустного городка, поступление в вуз, знакомства с мужчинами. Но не все так просто в этой жизни, и жизнь эта ставит перед Надеждой сложные вопросы.

ISBN 978-1-387-74930-0

© Васильев Б.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Борис Васильев

Гибель богинь

«Плохо твое дело, девочка...»

Чьи это слова, чьи, чьи? Надя пыталась что-то вспомнить, что-то понять, на чем-то сосредоточиться, но в голове только гулко звучали эти четыре слова: «Плохо твое дело, девочка. Плохо твое дело, девочка. Плохо твое дело...» Потом кто-то прошел мимо, оставив распахнутой дверь в большую комнату. Оттуда тянуло прохладой, там летали длинные легкие шторы...

Голос вдруг смолк, и за мгновение перед тем, как встать и шагнуть, Надя отчетливо и ясно увидела весь тот, последний день собственного мира и покоя. Не только увидела, но и успела разложить его по минутам и по мелочам и умилиться этим мелочам, потому что в них тоже заключалось ее такое обыкновенное, такое ясное женское счастье.

Утром того дня Сергей Алексеевич был так ласков, внимателен и чуток, что она, уже избалованная его нежностью, это запомнила: он словно предчувствовал что-то. А она ничего не предчувствовала, нет, ничего решительно: в то мгновение Надя старательно перетрясла все секундочки той последней безмятежной ночи и того последнего безмятежного утра. Как всегда, прикидывалась сонной девчушкой: сопела, вздыхала, тыкалась носом, шептала глупости, прекрасно зная, что ее муж – седой, суровый, с фронтовым шрамом на груди и ответственностью за огромный заводиче – теряет голову от любви. В эти короткие утренние минуты у него можно было просить все – и он бы сделал все, – но Надя никогда ни о чем не просила. Просто знала свое утреннее могущество и упивалась им: для полного счастья оказалось достаточно одной уверенности в себе.

Потом он лежал на спине, а она, прижавшись щекой к его плечу, слушала, как медленно затихает бешеный стук сердца. Сергей Алексеевич был на двадцать два года старше, но в эти минуты старшей становилась Надя. И, уловив, что ритм правилен, а частота ослабевает, чуть касалась губами голубоватых жилок на виске и выскальзывала из-под одеяла.

А он приоткрывал глаза. Это выглядело странно: шесть лет они были женаты, и шесть лет он подглядывал за нею. И Надя знала, что он подглядывает, но делала вид, что ничего не замечает, и одевалась так, будто он крепко спит. Но именно оттого, что она знала, как он сейчас на нее смотрит, в ее движениях появлялась особая женская гибкость. Даже в таком обыденном деле, как утреннее одевание, Надя была сосредоточенной и разной: по-девчоночьи – спереди, а не сзади – застегивала лифчик и сердилась на колготки; по-женски ловко управлялась с платьем. Отбросив за спину густые светлые волосы – дважды в месяц она мыла их с подсушенным черным хлебом, – улыбалась его прищуренным глазам и уходила на кухню. И этим кончалась ночь.

Сидели за завтраком, пока за Сергеем Алексеевичем не приходила служебная машина. Надя поправляла ему галстук, проверяла, взял ли он чистый носовой платок, очки, записную книжку, и целовала на пороге. А когда машина отъезжала, из своей комнаты появлялась Ленка.

Девочке было около пяти, когда при вторых родах умерла ее мать, и Сергей Алексеевич долго испытывал неискупное чувство вины. А через десять лет без удержу влюбился в машинистку из московского главка. И Надя сразу все поняла, мудро не претендуя ни на память, ни на особые привилегии, что и позволило ей вскоре стать если не близкой подружкой, то доброй приятельницей своей падчерицы, которая была всего-то на восемь лет младше.

В тот день, накормив Ленку завтраком и спровадив ее в институт, Надя пошла в химчистку и по магазинам; встречала знакомых, болтала ни о чем. Вернувшись, поставила обед, и тут к ней ввалилась трещотка Наталья – соседка по лестничной площадке – с австрийскими туфлями, которые прислал Наташке брат, а у нее расплелись ноги. Они мерили туфли и даже лили в них водку, но туфли все равно Наталье на ноги не налезали. Очень приличные туфельки,

модные, удлиненные, с удобным каблучком, и сидели на Надиных ножках будто влитые, но Наталья не предлагала и все пыталась запахать в них свои сороковые. И тут позвонил Сергей Алексеевич.

– Приехал товарищ из московского НИИ. Нет, не Федор Иванович, Федора Ивановича уже с почетом на пенсию проводили. Другой товарищ на связи с нами, приготовь что-нибудь к ужину.

Нет, и тогда еще не кончилось счастье. Она готовилась встретить гостя со всем старанием молодой хозяйки и любимой жены: сочиняла салаты, больше сообразуясь с собственным вдохновением, чем с кулинарной книгой; испекла пирог по такому же методу; навела красоту и надела то платье, которое нравилось мужу. И с открытой улыбкой рванулась к дверям, когда позвонили.

– Дорогая, позволь представить тебе Игоря Антоновича.

И Надина улыбка окаменела: перед нею стоял Гога. Сколько лет они не виделись? Семь? Восемь? Нет, нет, семь. Семь с половиной, если быть точной. А он погрузнел, посолднел, кажется, чуть полысел, ведь ему за сорок. Нажил брюшко, степенность, усталый взгляд и положение, раз прислали вместо Федора Ивановича. Сердце замерло, она что-то бормотала, не слыша собственных слов, и очнулась, заметив едва уловимое: он и прежде чуть подмигивал левым глазом: «Порядок, девочка, не суетись...»

– Очень рада, – повторила она. – Прошу, Игорь Антонович.

И тут же сбегала на кухню, сославшись на хозяйские хлопоты. Надо было оценить внезапное появление этого гостя в ее степенном семейном доме, понять, как следует вести себя, как успеть первой сознаться в знакомстве, если гость вдруг решит предаться воспоминаниям. Хотя вряд ли: он подмигнул, обещая хранить тайны. А Гога умел хранить их, так и не похваставшись никому, что был ее любовником.

Только окончательно успокоившись и продумав, как вести застольную беседу, Надя решила вернуться. Заставив себя улыбаться самой обворожительной из хозяйских улыбок, вошла, готовая говорить что-то необязательное, но мужчины вели деловой разговор, и Надя с огромным облегчением начала накрывать на стол.

– Вы – головное НИИ, и согласно договору наш завод обязан обеспечивать вас производственной базой. – Сергей Алексеевич говорил спокойно, и только Надя могла уловить чуть слышный металл в его голосе. – Не следует останавливаться на том, что зафиксировано документом, – это не подлежит обсуждению. А вот предложенный вами агрегат – подлежит, и тут наши эксперты не только могут, но и обязаны сказать свое слово.

– Сказали уже, – криво усмехнулся гость. – Вы, естественно, читали их заключение? Это же смертный приговор нашей годичной работе: на улице – октябрь, и мы физически не сможем переделать проект в этом году.

– Его нельзя переделывать. Его надо делать заново, от нуля.

– И это говорит руководитель! – театрально воскликнул Игорь Антонович. – А план? Обязательства? Соревнование? Премияльные, тринадцатая зарплата, начисления за освоение новой техники? Вы же одним росчерком пера лишаете нас всего!

– Извините, – сказал хозяин. – Я должен помочь жене.

Сергей Алексеевич полагал, что ушел от неприятного разговора, но Надя хорошо знала бульдожью хватку Гоги. Он всегда добивался своего, он и ее-то добился только потому, что обладал упорством, перед которым трудно было устоять. И сейчас выжидающе поддакивал, слушая рассказы о местных достопримечательностях, а когда выпили, усмехнулся так, будто его вдруг осенило:

– А ведь я понял истинную причину вашего отказа, Сергей Алексеевич. Наш агрегат требует высокой точности, с которой вам не хочется связываться.

– Ваш агрегат – вчерашний день, – резче, чем собирался, сказал директор. – Вас обязали в соответствии с решением пленума, а вы, не долго думая, скопировали изделие западных немцев, не потрудившись даже узнать, по какой причине немцы сами прекратили производство. Если НИИ нужна справка на сей предмет, завтра же мои работники ее подготовят.

– НИИ необходимо запустить свою работу в производство не позднее первого января следующего года, – негромко сказал Игорь Антонович, в упор глядя при этом на Надю. – Мы готовы подписать обязательство о доводке конструкции, но запустить нас в производство надо этим годом, иначе вся наша программа окажется под откосом...

Господи, почему он смотрит на нее? Надя опустила ресницы, вновь вскинула и вновь встретила его изучающий взгляд. На какое-то мгновение ей вдруг стало страшно, но она перебила себя и улыбнулась.

– Вы не пробовали этот салат, Игорь Антонович.

– Благодарю, это очень вкусно, – гость говорил сухо и напряженно. – В будущем году нашему шефу стукнет шесть десятков: хорошенький юбилей вы ему устроите, Сергей Алексеевич.

– Поймите, Игорь Антонович, это же невозможно! – хозяин отбросил скомканную салфетку. – Запустить в производство заведомо негодную конструкцию только потому, что вашему шефу исполнится шестьдесят, извините, это... Это безнравственно.

– Безнравственно? – точно вслушиваясь в звучание, протянул гость и неожиданно улыбнулся. – Вы тоже считаете, что это безнравственно, Надежда Васильевна?

– Извините, я не следила за вашим спором, – сказала Надя, поспешно вставая. – Позвольте я перемену тарелки.

Она ухаживала машинально: все силы уходили на то, чтобы не покраснеть. В ушах стоял звон, все плыло перед глазами, но она справилась, не покраснела и расслышала голос Игоря Антоновича. Кажется, он уже перестал уговаривать хозяина, болтал о чем-то совсем ином; легко болтал, непринужденно, а к ней обратился вдруг и вроде бы ни с того ни с сего:

– Сергей Алексеевич говорил, что вы учились в Москве, в ГИТИСе, Надежда Васильевна? Вы не знавали случайно Николая Мироновича Кудряшова? Нет? Жаль, очень любопытный товарищ этот «папа Коля», как его называла последняя пассия...

Господи, все-таки на свете есть еще чудо: зазвонил телефон, и Надя ринулась в прихожую. «Зачем? Зачем он вспоминает давно ушедшее? И зачем она, дурачась, так часто называла мужа „папа Сережа“...»

– Не ушел еще гость? – болтала тем временем по телефону Ленка. – Надь, я у Машки, звони, если осложнения.

Надя заставила себя вернуться в комнату, заставила улыбаться. А сама с ужасом думала, что еще успел сказать Гога, пока она говорила с Ленкой.

– Барин, жуир, эрудит – словом, у него было чем кружить головы двадцатилетним дурешкам, – как ни в чем не бывало продолжал Игорь Антонович. – Для него это была игра, спорт, способ самоутверждения: он за вечер отбивал девчонку у любого. И представляете, этот любилец женщин и баловень судьбы влюбляется в свои пятьдесят, как в восемнадцать.

Сергей Алексеевич слушал вежливо, но ему было неинтересно: Надя поняла это и обрадовалась, как школьница. Зря, Гога, зря ты плетешь сеточку: хозяин не слышит, о чем ты толкуешь.

– ...он называл ее Богиней. Она и в самом деле была хороша – с белой кожей, чудной фигуркой и теми бесенятами в глазах, мимо которых не в силах пройти ни один мужчина. И Кудряшов – режиссер с мировым именем, народный артист...

О, как хорошо она помнила день, когда познакомилась с этим артистом! Не только потому, что твердо рассчитывала на его помощь, но и потому, что это было престижно: Николай Миронович одним своим появлением в ее коротенькой пустенькой жизни возносил ее в

иную, высшую элитную группу. Она сама пришла в кафе, куда он обычно заглядывал, сумела отбиться от жаждущих усесться за ее столик и, увидев его в дверях, отчаянно замахала рукой.

– В чем дело, малыш? Так машут тонущие в море проходящему мимо кораблю.

– А я и есть тонущая в море, и мне страшно, если корабль пройдет мимо.

Она улыбнулась самой белоснежной из всех своих обещающих улыбок, и Кудряшов сел за ее столик. Сердце Нади билось с невероятной частотой, но она так просто и естественно повела разговор, что Николай Миронович ни в тот день, ни в последующие уже не отходил от нее ни на шаг.

– Смешно, но ты – моя последняя любовь. Это сильнее, чем первая, поверь: расставшись с первой, мужчина сохраняет уверенность, но теряя последнюю, он теряет все. Смысл жизни, веру в себя, радость существования...

Она многое перенесла, многое перетерпела и многое передумала, когда Кудряшов оставил ее. Пусть по ее вине, но оставил сразу, вдруг, посреди улицы. Ушел, не оглянувшись, и она тоже ушла из того мира, сменила профессию, устроилась на работу и через шесть лет после того ужаса на улице сумела добиться, чтобы еще раз услышать:

– Вы – моя последняя любовь, Надя.

Так сказал Сергей Алексеевич, предлагая руку, а не горьковатый статус любовницы. В нем было то, в чем так нуждалась она всю свою жизнь: надежность. Истинная мужская надежность, о которой мечтают все женщины мира. И она стала женой, преданной, бесконечно благодарной женой и другом его взрослой дочери. Так что давай, Гога, трепись, намекай, посмеивайся: здесь не пройдут твои номера.

– Николай Миронович любил, например, утверждать, что человечество все способно переварить: агрессию, трансгрессию, революцию, контрреволюцию, атомные бомбы и демографические взрывы. Но унификация женщин для него – смерть. Общество развивалось миллионы лет, начала его в такой седой дремучести, куда никто никогда не заглянет. И если уж человек духовный четко определил, что женщины делятся на Матерей и Богинь, то за этим стоит природное естество, а отнюдь не социальное неравенство. Как вам нравится тезис, Сергей Алексеевич?

– Я далек от подобных проблем.

– Но именно эта проблема имеет самое непосредственное отношение к нравственности. В самом деле, чем измерить нравственность? Процентом уголовных преступлений? Абсурд, это – за чертой. Вы скажете: честностью, добросовестностью, трудолюбием и так далее, но ведь это все – вторичные признаки.

– Не думаю, чтобы честность и трудолюбие являлись вторичными признаками нравственности.

– А не кажется ли вам, что в основе нравственности лежит отношение к женщине? Если общество ставит Мать и Любовь на недостижимые пьедесталы – я уверен в его нравственности. Но если имя матери человеческой превращено в пьяную брань, а на любовь указывают пальцем, я начинаю мечтать о машине времени...

О, Надя наизусть знала то, что излагал Игорь Антонович: Кудряшов любил витийствовать. Но она никак не могла понять, зачем Гога преподносит эту болтовню вежливо скучающему хозяину, и совсем успокоилась, хотя какая-то досадная ссадина все же осталась в душе. А на следующий день раздался телефонный звонок, и вкрадчивый, до омерзения знакомый голос сказал:

– Ну здравствуй, Богиня. Рад был видеть тебя красивой, любимой и, кажется, счастливой. Я не ошибся на сей счет? Что же ты молчишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.